

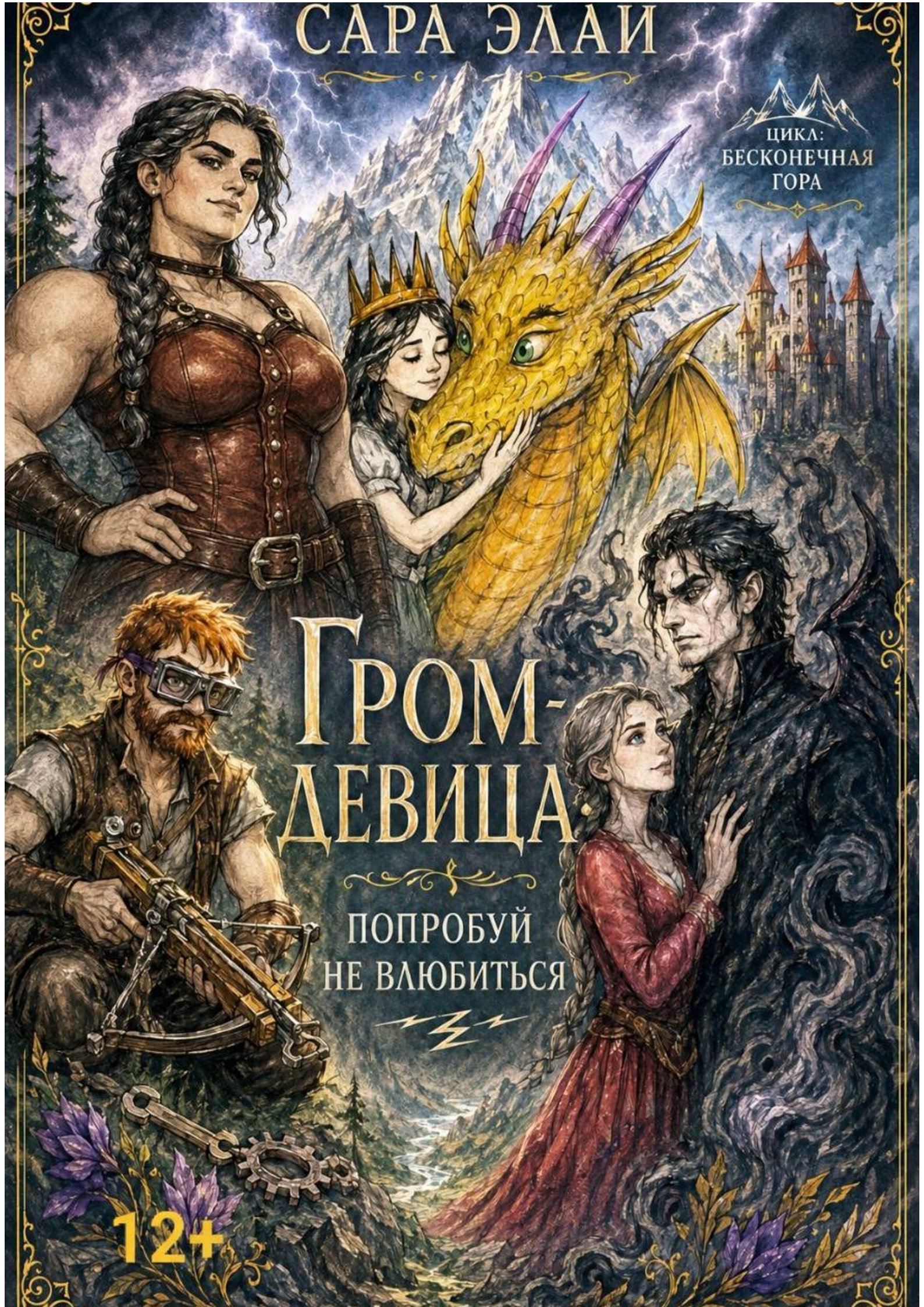
САРА ЭЛАИ

ЦИКЛ:
БЕСКОНЕЧНАЯ
ГОРА

ГРОМ- ДЕВИЦА

ПОПРОБУЙ
НЕ ВЛЮБИТЬСЯ

12+

Сара Элай

**Гром-девица: попробуй
не влюбиться. Цикл
«Бесконечная гора»**

«Автор»

2026

Элай С.

Гром-девица: попробуй не влюбиться. Цикл «Бесконечная гора» /
С. Элай — «Автор», 2026

Фэнтезийный скотоводческо-ремесленный мир этой страны состоит из бесконечной горы — люди живут либо ниже либо выше друг друга. Вокруг них текут горные реки. Среди камней и скал живут драконы, горгульи, летающие змеи и разумные муравьи. Маги и воины вынуждены защищать народ от постоянно появляющихся через порталы монстров, появляющихся в клубах черного дыма. Однажды рождается девочка – мощный воин. Она начинает дружить с девочкой-магом. Они вырастают и становятся надежными защитниками своей деревни. Им приходится подняться туда, куда еще никто не ходил, чтобы понять, откуда и по какой причине идут каменные оползни на их страну. А впереди их ждет много вопросов. Бывает ли «не злое» зло? Бывает ли «подлое» добро? Сколько еще удивительных существ живет в их мире?

© Элай С., 2026

© Автор, 2026

Сара Элай

Гром-девица: попробуй не влюбиться. Цикл «Бесконечная гора»

Глава 1. Порядок вещей

Меня зовут Береника. Сколько себя помню, мое тело росло быстрее, чем умение им управлять. Я всегда была такой.

Лицо у меня оказалось мне под стать: крупный нос с едва заметной горбинкой (в детстве я сломала его, упав с трехметрового уступа), скулы, похожие на выходы скальной породы и густые брови.

К шести годам я была выше семилетних мальчишек. К десяти – выше собственной матери. А к двенадцати мои плечи уже не пролезали в проход дома, и отец, посмеиваясь в усы, специально расширил косяки. Он говорил: «Береника, ты у нас рыцарь и защитник. Господь не одарил нас мальчиком, зато наша старшая девочка стоит пяти мальчишек».

Я стояла в серых шароварах и такой же кофте, заплетала свои длинные русые волосы и улыбалась.

Тогда мне было двенадцать. Моя младшая сестричка вступила в эру «почему?», а разные животные и твари интересовали ее больше всего. В бесформенной серой рубаше «на вырост», которую когда-то носила и я, она подходила ко мне, дергая меня за штанину и бесконечно спрашивала.

– Береника, а кто может пролететь по небу?

– Драконы могут, горгульи могут, летающие змеи. Некоторые демоны, которые врываются в наш мир, а мы их убиваем.

– А кто маленький сидит в траве?

– Тоже разные волшебные существа. Есть лошадки, как у нас, но размером с крысу. На них катаются воины-муравьи. Это разумный народ. Иногда они бывают в доспехах.

– Они разговаривают?

– Да, у них есть свой язык, а еще они понимают и говорят на нашем. Я много с ними разговаривала.

В дождливые дни, когда мама не отправляла меня ухаживать за козами или урожаем, но и гулять не отпускала, я сидела у окна в своей комнате и думала, как же интересно устроен наш мир.

Начнем с того, что он состоит из горы. Разумные муравьи рассказывали мне, что есть мир, где вся земля совсем плоская. Там еще есть озера не в углублениях горы, а до самого неба вперед и они называются морем. То, что описали мои маленькие друзья – звучит невероятно странно. Муравьи-воины всегда были с большой фантазией. Ясно же, что не может такого быть. В любом другом мире будет также как у нас. Везде в любой точке земли можно пойти вверх в гору и вниз с горы.

Как то наши мальчишки сплели из ивовых прутьев большой шар, размером с дерево. Я сидела на камне, где часто грелись ящерицы и наблюдала за ними с удивлением.

– Что вы собираетесь с ним делать? – послышался голос Ценоллио, местного изобретателя.

Он был полноватым, рыжим, среднего роста, с прямым носом, но с веселыми светлыми бровями, как запятыми. Был очень элегантно одет в синий строгий халат.

– Столкнуть вниз, – крикнули мальчишки.

– Этого нельзя делать! – разозлился Ценоллио.

– Почему? – осведомился Зигги, бледный русский с прической ежиком парень, – чей это закон? Короля?

– Это закон природы, – поднял палец вверх Ценоллио, – мы существуем только потому, что никто так не делает сверху. И мы не должны делать так тем, кто снизу.

– Да все равно на них, – Зигги пнул плетеный гигантский шар ногой и он начал неумолимое движение вниз, пока неторопливое, разгоняясь.

Я верила Ценоллио. В два прыжка я оказалась около плетеного шара и схватила его. Мне пришлось затормозить о землю сандалиями и схватиться за растущую ракиту, чтобы не свалиться вниз вместе с шаром по инерции.

– Дядя Ценоллио, я поймала! – крикнула я.

Задышавшись от одышки, изобретатель засеменял ко мне. Мальчишки в испуге разбежались. Он схватил шар и начал вырывать из него ветки, бросая на землю.

– Разобрать, все разобрать. Сжечь в костре!

– Ладно, ладно, – улыбнулась я. – Дядя Ценоллио, вы же ученый. А скажите, правда в других мирах может быть гора не всем огромным миром, а редкостью, стоящей в плоском месте, где под горой ничего не скатывается?

– Кто такое интересное тебе сказал?

– Разумные муравьи. Я люблю с ними общаться. А еще они говорят, что в том мире тяжело дышать вверху горы. И там они становятся маленькими и не могут говорить. Поэтому им больше нравится в нашем мире, а не в том.

Изобретатель задумался.

– Возможно. Но у нас нет. У нас дышать одинаково легко везде.

Вдруг, словно в подтверждении речи Ценоллио о взаимной ответственности, из ниоткуда с грохотом пролетел и упал на соседнее плато огромный валун. Горы вздрогнули от его приземления, но, к счастью, не осыпались дальше.

– Нехорошо, нехорошо, – запричитал изобретатель, – Кто-то еще выше нарушил законы нашей природы.

– Дядя Ценоллио, – сказала я, насупившись. Мои густые брови встали домиком – Я вырасту, стану воином, заберусь туда, куда еще никто не забирался. И объясню всем по пути, что законы нашего мира, о которых ты говоришь, надо выполнять очень строго!

– Спасибо, Береника, но лучше береги свою семью здесь.

– Я скажу им беречься. – мой детский голосок звучал настолько серьезно, насколько это можно услышать от ребенка, – А сама спасу всех! – Я крутанулась вокруг своей оси, присела и сделала движение рукой как будто рублю злодеев мечом.

Рыжий полненький изобретатель улыбнулся мне, видимо, его моя речь растрогала.

А что, мне будет это не сложно. Я любила забираться выше. Слишком высоко редко гуляли жители деревни Заречной или Эридана – ближайшего города. Там, в зарослях карликовой сосны под шум речки Ветровки, среди природы, я чувствовала, что именно это мой настоящий дом. Когда я скучала по природе, я надевала свой любимый наряд и шла с детским любопытством обследовать окрестности.

Этой одеждой были кожаные штаны, сшитые на заказ (потому что ни одни готовые не налезали на мои бедра), рубаха из небеленого льна, заправленная так, чтобы не выбивалась, и высокие сапоги на толстой подошве, истоптанные горными тропами до состояния, близкого к бесформенной субстанции. В холода я накидывала поверх безразмерный тулуп из шкуры горного яка, пахнувший зверем и дымом, и это был мой самый любимый запах. В жару я снимала рубаху и оставалась в кожаном топе, не стесняющем движений. Он тоже был сшит на заказ.

Подъем начался с тропы, известной мне на ощупь. Сначала – осыпь, на которой я привычно балансировала, перепрыгивая с камня на камень. Любой другой давно бы уже скатился вниз с переломанными ногами, а я летела вверх, как горная коза, только гораздо тяжелее и с куда большим шумом. Я любила это чувство – когда все тело работает, как единый, слаженный механизм. Любила, как мышцы на ногах наливаются усилием, когда я отталкиваюсь от крошечного уступа. Любила, как легкие расправляются, втягивая прохладный, колющий воздух.

Через полчаса подъема я добиралась до своей первой цели – уступа, который называла Верандой. Это была широкая каменная полка, поросшая цепким кустарником, чьи корни уходили глубоко в трещины. С Веранды открывался красивейший вид на город рядом с моей деревней...

На следующий день после происшествия с ивовым шаром и с упавшим сверху валуном, заставившим трястись всю гору, я опять полезла вверх, быть может я уже сейчас смогу помочь деревне? Я добралась до той самой веранды с красивым видом, села на край уступа, скрестив ноги, и, слушая шум воды Ветровки стала ждать своих миниатюрных друзей. Здесь проходила их тропа и кто-то из них мог оказаться поблизости в любую минуту.

Ждать пришлось недолго. Послышался стук маленьких копыт по камням, словно стучали молоточки. Маленькая лошадь – не более двадцати сантиметров роста привезла маленького всадника. И это был не человек, а муравей, размером с ладонь. Его микродоспехи и микрокопыте выглядели очень забавно.

– Здравствуй, Кирз-Тек, – сказала я. – Как охота? Как твой сын, Вар-Кир?

– Здравствуй. Спасибо, Большая-тяжелая-дочь-людей, охота сегодня удалась. Для всей колонии притащили в муравейник пойманного зайца, которого зажарили в месте поимки на костре. Сын пока по прежнему в коконе личинки. Но скоро вырастет.

– Твой заяц звучит аппетитно, – только что я поняла, что с завтрака уже проголодалась. Я вынула из сумы сушеное мясо, откусила, второй кусок предложила муравью. Он жестом отказался,

– Здоровья твоему сыну! Пойду дальше, разведчик муравьиного народа. Удачи всем вашим.

– И тебе удачи, Большая-тяжелая-дочь-людей, – его муравьиные жвалы старательно выговаривали наши слова.

Дальше начиналось самое интересное. Летящие перепончатые змеи.

Я лезла вверх по отвесной скале, цепляясь пальцами за микроскопические выступы. Мышцы на предплечьях гудели, но ровно, приятно, привычно. Через двадцать метров я нащупала рукой край глубокой пещеры, подтянулась и залезла внутрь.

Там было тепло. И темно. И пахло озоном.

Они свисали с потолка, обернув свои длинные, упругие тела вокруг сталактитов. Властители горячих воздушных потоков. Каждая длиной метров пять, с чешуей цвета ржавчины и охры, с широкими кожистыми перепонками по бокам тела, которые сейчас были плотно прижаты. Их головы, похожие на наконечники копий, повернулись в мою сторону. Желтые глаза с вертикальными зрачками уставились на меня без страха и без агрессии. Скорее – с узнаванием.

– Привет, небесные змеи, – пробормотала я.

На них можно было покататься по склону. Те из людей, кто были полегче – могли и летать, но я не решалась командовать змее отправляться в полет, даже самой крупной.

Я достала из сумки угощение – сушеных горных мышей, которых наловила накануне. Змеи лениво заглотили подношение, и я приступила к делу. Достала широкие кожаные ремни, перекинула их через тело змеи, выползшей ко мне. Они знали: тому, кто покатает – уготовано дополнительное угощение.

Сначала мы катались по уступу возле пещеры. Но затем змея поползла вверх, вдоль скальной стены. Это было слишком круто и я вцепилась в ремень.

Внизу была каменная осыпь. Острая, как зубы дракона.

Решение нужно было принимать мгновенно. Я его приняла.

Бросив ремень я прыгнула со змеиного тела, отлетая в сторону. Змея, освобожденная от моего веса, расправила перепонки и взмыла вверх. Тут же, она сделав круг почета в воздухе, вернулась за угощением.

– Нет-нет, – сказала я, потирая ушибленную коленку. Если не думаем о всаднике – угощения нет. Змея флегматично извиваясь волнами, улетела прочь. В основном они летали вперед. Вне воздушных потоков, которые были только на этой высоте, змеи не хотели существовать. Поэтому бесполезно их было приручать как транспортных животных для деревни.

Я спустилась вниз, перебирая руками по выступам. Колено саднило, но кости были целы. Я проверила: нога двигалась. Значит, жить буду.

Когда я наконец добралась до широкого, поросшего травой карниза, солнце уже перевалило за полдень. Я села на камень и осмотрела ушиб. Ветер гулял по скалам, и где-то далеко внизу, в долине, лаяли собаки.

Я закрыла глаза. И тогда почувствовала это.

Запах. Не гнили, нет. Что-то более неуловимое. Что-то неправильное. Я открыла глаза и повернула голову.

В десяти шагах от меня, прямо из воздуха, сгущалось марево. Оно дрожало, маслянисто переливалось и постепенно обретало форму. Нежить. Демон.

На моем веку это был, наверное, уже десятый. Или одиннадцатый. Они пробирались в наш мир из Потусторонья – маленькие, средние, иногда большие. Этого я бы отнесла к категории «мелкий пакостник», но недооценивать их не стоило. Он оформился в нечто похожее на сгусток бледного, полупрозрачного тумана с несколькими неестественно вывернутыми конечностями и ртом – или тем, что ему служило, – полным игольчатых зубов. Глаз у него не было, но он «смотрел» прямо на меня. Я чувствовала это по тому, как холодок пробежал по коже.

Вокруг недавно ворвавшихся в наш мир демонов всегда клубилась черная дымка, словно кусок своего темного мира они приносили к нам.

– Хорошая девочка, – зашипел демон. Голос у него был как скрежет металла по стеклу. – Какая большая, сильная девочка. Сколько в тебе силы. Дай мне. Дай совсем чуть-чуть. Я встану за твоей спиной, ты даже не заметишь.

Я молча встала.

Медленно, очень медленно я сжала правый кулак – так, что костяшки побелели.

Я рванула вперед. Демон не ожидал такой прыти от существа моей комплекции, он привык к жертвам, которые убегают. Мое тело, эта туша, которую многие считали неповоротливой, пришло в движение с грацией и скоростью обвала. Я не была обученным бойцом. У меня не было магических печатей, я не умела рисовать заклинания. Но у меня были кулаки, и у меня была ярость. Хоть мне было и двенадцать, я могла справиться с демоном. Поэтому не боялась отходить от дома, как многие другие. Большинство жителей ради перехода в город или на мельницу нанимали себе воина или мага для охраны. Наш мир был опасен.

Я была полна решимости победить существо передо мной. Первый удар прошел сквозь туман, но задел какую-то уплотненную сердцевину. Демон взвизгнул. Его конечности хлестнули меня по лицу, оставляя ледяные ожоги. Я не отступила ни на шаг. Мой левый кулак врезался в центр туманного сгустка, потом правый. Я била и била, методично, как кузнечный молот, в одну точку.

– Ты сильная, – прошипел демон, и в его голосе появился страх. – Сильная! Подожди! Мы можем договориться!

– С тварями. Вроде тебя. Не договариваются.

Мой последний удар был с двух рук, сцепленных в замок. Я обрушила их сверху вниз, прямо на то место, где у нормального существа была бы голова. Демон издал долгий, затихающий визг – и рассеялся. Просто перестал быть. Остался только легкий запах серы и холодное пятно на камне, которое быстро исчезало.

Я постояла, тяжело дыша. Колено болело нестерпимо. Лицо саднило от ожогов. Рубаха была разорвана и испачкана кровью – и моей, и какой-то демонической субстанцией, похожей на чернила. Я провела рукой по лицу, стирая пот пополам с гадостью, и мрачно усмехнулась своим мыслям.

Мама опять будет ругаться.

Солнце клонилось к закату, когда я вошла в ворота родного дома. Пыльная, в крови, с разорванным рукавом и обожженным лицом, но с прямой спиной и чувством глубокого удовлетворения где-то под ребрами. Демон убит. Змеи в порядке. Муравьи уважают. Колено заживет.

Это был хороший день.

Глава 2. Школа – тоже поле боя

Школа появилась в моей жизни внезапно и, как мне тогда казалось, совершенно бессмысленно.

Не смотря на то, что я выше мамы, она тащила меня по горной тропинке, я упиралась, ей все равно удавалось передвигать мое тело вперед – откуда такая безумная сила у этих людей, именуемых «матери»?

Мама была тоже русоволосой, с начинающейся сединой, волосы были убраны в пучок, у нее были простые мягкие черты лица, не такие резкие, как у меня.

Я упорно ныла:

– Я не хочу читать и писать, я хочу быть воином...

– Где это видано, девочка-воин, – запричитала мама, – Если крепкая – это хорошо, будешь кожевнику помогать шкуры проминать. Там сила нужна. Или виноделу помогать виноград давить, – если ноги крепкие.

– У меня все крепкое.

– Прачкой можно стать, столько белья переполоскаешь и отожмешь.

– Мама, нигде не запрещено быть воином.

– Ну хорошо, иди в школу. Учись, чтобы стать воином.

– Там читать учат и писать, а не биться. Мне зачем?

– А как ты прочтешь задание от командующего, если оно передано на бумаге? – парировала мамочка.

На секунду я задумалась и это дало ей время втолкнуть меня в калитку школы, к которой мы как раз и подошли.

На территории сразу затихли девочки и ребята, бегавшие на перемене.

– Разбегаемся, это Береника – пискнул Зигги. Она же нам все ломает!

– Тебе первому нос, – крикнула я вслед.

У порога школы стояла широко улыбаясь полная кудрявая брюнетка директор Магнолия, – всем своим видом говоря «добро пожаловать». Мама помахала ей от калитки и скрылась.

Я встала, прислонившись плечом к воротам (ворота жалобно скрипнули), и разглядывала двор с качелями и каруселями. Школа. Что ж. По крайней мере, это что-то новое. А новое я любила. Старое – горы, скалы, демоны – я, конечно, то окружение любила больше, но иногда даже в моей жизни случались затишья, которые хотелось чем-то заполнить.

Первый день в школе я запомнила на всю жизнь. Не потому что он был каким-то особенным. А потому что именно тогда я впервые увидела ее: эту скромную тихую девочку Иду.

Здание школы было новым, построенным специально по указу короля. Длинное, приземистое, из свежеструганых сосновых бревен, еще не успевших потемнеть от времени и непогоды. Пахло смолой и стружкой. Вдоль фасада тянулось крыльцо с резными столбиками, а над входной дверью висела вывеска с выжженными буквами: «ШКОЛА». Моя одежда по случаю первого учебного дня была почти парадной: относительно новые штаны, крепко затянутые на поясе кожаным ремнем с железной пряжкой, сапоги, оттертые от грязи, и рубаха, которую мать вчера вечером застирала и даже погладила нагретым камнем. На плече висела сумка, которую я сама сшила из куса дубленой кожи, – получилось грубовато, но вместительно. В сумке лежали воощенная дощечка для письма, стилос и, на всякий случай, железка, которую я называла «коготь», приспособление для путешествия по горе. Школа школой, а из дома без обмундирования я не выходила никогда.

Я вошла в класс.

– Говорят, она медведя в лесу заломала, – слышался шепот. Снова явно обсуждали меня.

– Врешь!

– Сам слышал. Она одной рукой быка за рога валит.

Я усмехнулась краем рта и ничего не сказала. Про быка ввали, конечно. Это был не бык, а молодой тур. И валила я его двумя руками. Но пусть уж лучше так болтают – меньше приставать будут.

Именно тогда я ее увидела.

Она сидела на дальней лавке у стены, сжавшись в комок, как испуганный зверек. Маленькая, худенькая – настолько худенькая, что ключицы проступали сквозь ткань ее выпцветшего, штопаного-перештопанного серого платица. Волосы у нее были странного, пепельного оттенка – не седые, а именно что пепельные, как остывшая зола. Они были заплетены в жидкую косичку, которая свешивалась через плечо и заканчивалась где-то на груди. Лицо – узкое, бледное, с острым подбородком и огромными глазами. Глаза эти, серые, прозрачные, смотрели на мир с выражением вечной тревоги. Нос у нее был тонкий, чуть вздернутый на кончике, а над верхней губой темнела россыпь едва заметных веснушек – таких бледных, что они были видны, только если приглядеться.

Она сидела одна. Вокруг нее, на расстоянии примерно двух свободных мест, образовалась пустота – будто невидимая стена отделяла ее от остальных детей. Никто не садился рядом. Никто не разговаривал с ней. Она и сама, казалось, не стремилась к общению – просто сидела, опустив голову, и теребила пальцами край рукава. Я, недолго думая, прошагала через весь зал и со всего размаху плюхнулась на лавку рядом с ней. Лавка жалобно застонала, девочка вздрогнула и вскинула на меня свои огромные глаза. Я могла поклясться, что в первое мгновение она ожидала удара.

– Занято? – спросила я, хотя прекрасно видела, что вокруг нее ни души.

Она торопливо замотала головой, и ее пепельная косичка замоталась по плечам.

– Н-нет, – пролепетала она. Голос у нее был тихий, как шелест страниц. – Садись. То есть... садитесь.

– Я Береника, – сказала я, протягивая ей свою лапищу. – Можно на «ты».

Она посмотрела на мою руку так, словно не совсем понимала, что с ней делать. Потом осторожно вложила в мою ладонь свою – маленькую, холодную, как у ящерицы, – и я почувствовала, как дрожат ее пальцы.

– Ида, – выдохнула она почти беззвучно.

Так мы познакомились.

Учеба давалась мне средне. Читала я хорошо, считала тоже, а вот каллиграфия – выписывание ровных, красивых буковок – была моим личным адом. Мои пальцы, привыкшие сжимать рукоять «когтя» и цепляться за скальные выступы, никак не могли совладать с хрупким стило-

сом. Я то давила слишком сильно, процарапывая воск до доски, то, наоборот, выводила такие бледные каракули, что их невозможно было разобрать. Магистр Левко, наш интеллигентный, среднего возраста с зачесанными назад волосами учитель, заглядывая в мою табличку через мое плечо, только вздыхал и качал головой:

– Береника, милая, ты пишешь так, словно гвоздем по камню. Буквы должны быть легкими, воздушными...

– Легкими и воздушными, – ворчала я себе под нос. – Если я сделаю что-то легкое и воздушное, оно просто сломается.

Ида, напротив, училась блестяще. Она схватывала все на лету. Ее дощечки были покрыты идеально ровными, изящными строчками, похожими на бисерное шитье. Она решала задачи быстрее всех, читала без запинки и даже знала несколько слов на древнем языке, которым записывались магические руны. Магистр Левко не уставал ее хвалить, и каждый раз, когда он это делал, Ида краснела так, что ее бледное лицо становилось похожим на спелое яблоко, и еще ниже опускала голову.

Но были в школе не только уроки. Были еще перемены. И вот там-то и начались настоящие проблемы.

Первую неделю я просто наблюдала. Я вообще люблю сначала смотреть, а потом уже делать выводы. А смотреть было на что.

В школе было много хулиганов. Кроме уже известного мне Зигги

была небольшая группа – трое парней и две девицы, – которые просто мнили себя королями школы. Главари звали Хром. Это был крепкий, коренастый мальчишка лет тринадцати, с коротко стриженными рыжими волосами, вечно обветренными щеками и маленькими, близко посаженными глазками цвета речной грязи. Его приятели – темноволосые два брата-близнеца по кличке Шустрый и Шершавый – были под стать: крупные, туповатые брюнеты, привыкшие действовать кулаками, а не мозгами. Девицы них на подхвате, хихикали, подначивали и создавали шумовую завесу.

Их любимой забавой было доводить Иду до слез. Методы были разные. То они вырывали у нее из рук дощечку и швыряли через весь класс, заставляя подбирать и выслушивать насмешки. То подкладывалидохлых жуков в ее сумку. То на перемене, когда Ида шла по двору, внезапно ставили подножку, и она летела в грязь, под дружный гогот. Ида не кричала, не жаловалась учителю. Она только поджимала губы, бледнела еще больше обычного и молча вставала, отряхивая платье. Иногда я видела, как у нее дрожит подбородок, но она никогда, ни разу не заплакала при них. Слезы приходили позже, когда она думала, что ее никто не видит.

На меня все посматривали и шептались: «если она нас побьет, она вылетит из школы». И оттого они чувствовали, что у них развязаны руки.

Мне быстро это все надоело.

На следующей перемене я подошла к Хрому, когда он стоял у колодца, пытаясь отмыть расцарапанные руки. Рядом, как приклеенные, терлись Шустрый и Шершавый. Рута и Сибелла держались чуть поодаль. Завидев меня, вся компания напряглась, как стая шакалов при виде льва.

– Слушай сюда, – сказала я, останавливаясь в шаге от Хрома. – Ты меня не любишь. Я тебя тоже. Да, я, как рыцарь, мужлан, завалила буйвола, медведя, дракона, горгулью, я ем на завтрак по три барана со шкурой и шерстью. Можешь сплетничать сколько угодно. Но если ты еще раз хоть пальцем тронешь Иду – если ты скажешь ей хоть одно плохое слово, если ты посмотришь на нее так, что она заплачет, – я сделаю с тобой что-то позорное.

– Чего ты мне сделаешь? – буркнул Хром, но его голос прозвучал совсем не уверенно.

– Тебя выгонят, громила, – пискнула Сибелла, издалека являя собой «команду поддержки» хулигану.

Я улыбнулась. Это была нехорошая улыбка – я знала это, потому что долго тренировала ее перед зеркалом. Мама говорила, что от этой улыбки у нее мурашки по коже.

– Я сниму с тебя штаны, – сказала я.

Повисла пауза. Шустрый и Шершавый переглянулись.

– Чего? – выдохнул Хром.

– Штаны. Я сниму их с тебя. При всех. Посреди школьного двора. А твое исподнее я натяну тебе на бошку. В присутствии мисс Магнолии и магистра Левко, если понадобится. И ты будешь стоять так, с голой задницей, а твоя голова будет в штанах, как в мешке. И все будут смеяться. Даже твои дружки. И пусть меня выгонят, но до конца жизни тебя будут обзывать «пantalоноголовый».

Братья-близнецы издали сдавленные звуки, подозрительно похожие на смешки, но тут же замолкли, поймав бешеный взгляд Хрома.

Я продолжала:

– Я повторяю это с каждым, кто обижает слабых. Если меня выгонят из школы – к остальным приду домой, позорить их снятыми штанами перед мамой и папой.

Сам Хром побагровел так, что его рыжие волосы, казалось, стали еще рыжее от контраста.

– Ты не посмеешь, – просипел он.

Вместо ответа я сделала быстрое, неуловимое движение рукой – и ремень на его штанах ослаб, штанины поползли вниз. Хром взвизгнул и вцепился в пояс обеими руками, не давая им упасть. Я стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на него сверху вниз с выражением крайнего благодушия.

– Проверим? – спросила я ласково.

Он замотал головой и отступил. Я кивнула, удовлетворенная.

– Вот и договорились. Иде – ни слова. Ни жеста. Ни взгляда. Понял?

– Ты пожалеешь о своих угрозах, – выдавил он.

– Что, прости? Не слышу.

– Понял! – гаркнул он так громко, что эхо покатилося по школьному двору.

Я развернулась и пошла прочь. За моей спиной было тихо-тихо.

Ида, конечно, обо всем узнала. Не от меня – школа есть школа, слухи здесь разносились быстрее, чем запах подгоревшей каши. На следующий день она подошла ко мне перед уроками.

– Зачем ты это сделала? – спросила она тихо. – Зачем ты вообще со мной разговариваешь?

– Не знаю, – честно сказала я. – Наверное ты напоминаешь мне младшую сестричку.

Ида заплакала и обняла меня.

– Спасибо. Я помогу тебе с каллиграфией.

– О, нет, – рассмеялась я. Вот если бы с техникой махания булавы... А мои каракули пусть остаются каракулями.

Она ничего не сказала – просто кивнула, шмыгнула носом и быстро зашагала в класс. Но с этого дня она стала садиться со мной уже не у стены, а на середине лавки. И на переменах уже не пряталась по углам, а ходила за мной, как тихая, бледная тень.

На следующий день она протянула мне какой-то листочек бересты.

– Что это? – спросила я.

– Техника махания булавой, – улыбнулась она. Ты же просила. Я после учебы каждый день изучаю в библиотеке магические свитки. Вчера попросила у мисс Магнолии один военный. И перерисовала эту страничку.

Теперь уже я прослезилась и обняла свою маленькую подругу.

– Да я же в шутку так сказала, – оправдывалась я, – Но спасибо тебе! Я обязательно изучу!

А Хром и его компания обходили нас стороной. Далеко-далеко, почти по дуге. И каждый раз, когда Хром случайно встречался со мной взглядом, его рука непроизвольно дергалась к ремню. Эта привычка осталась у него на всю оставшуюся школьную жизнь.

Глава 3. Первый Воин и пепельный демон

Годы летят незаметно, когда ты занят делом.

Мои дни были заполнены до краев: горы, скалы, муравьи, изредка – стычки с нечистью. И конечно, школа. Школа, которая из непонятного недоразумения превратилась в привычную часть жизни. Я так и не полюбила выписывать буквы, но магистр Левко махнул на меня рукой и сказал, что для человека моей комплекции главное – чтобы подпись поставить могла, а каллиграфия пусть остается тем, у кого руки не как кузнечные клещи.

А вот Ида расцвела.

Я видела это не сразу, не вдруг. Это было похоже на то, как распускается горный цветок – медленно, лепесток за лепестком, но с каждым днем все увереннее. Она по-прежнему оставалась худой, почти болезненно тонкой в запястьях и щиколотках. Ее пепельные волосы по-прежнему были заплетены в косу, которая теперь стала длиннее и тяжелее – она спускалась ниже лопаток. Веснушки на переносице и над верхней губой так и не потемнели, остались бледными, едва заметными точками. Но что-то в ней изменилось неуловимо и бесповоротно.

Пропала та дрожь, то вечное ожидание удара, которое я помнила по нашему первому школьному дню. Плечи расправились – настолько, насколько это было возможно при ее хрупком сложении. Подбородок, когда-то вечно опущенный, теперь она держала прямо. И самое главное – глаза. Ее огромные, прозрачно-серые глаза больше не смотрели на мир с тревогой. В них появился блеск – острый, цепкий, живой. Глаза человека, который нашел свое дело.

Ее делом оказалась магия.

К тому времени, о котором пойдет речь, нам обоим было по восемнадцать. Восемнадцать весен – возраст, когда деревенские девки уже всюю присматривают женихов, а парни меряются силой на кулачных боях. Я в кулачных боях не участвовала – после случая с Хромом и его панталонами желающих помериться со мной силой не находилось.

Ида нашла себе занятие поинтереснее женихов. Она стала магом.

Не из тех балаганных фокусников, что на ярмарках показывают цветные искры за медяк. Настоящим магом. Тем, кто учится рисовать магические печати с рунами – сложные, многослойные конструкции, похожие на сплетение корней, на геометрические узоры, в которых каждый завиток, каждый угол, каждая точка имели значение. Магия в нашем краю не лилась из пальцев по желанию. Ее нельзя было просто пожелать – и сотворить. Чтобы заклинание сработало, нужно было начертить рунную печать. Рука должна быть твердой, глаз – острым, а знание древнего языка – безупречным. Одна ошибка в завитке, одна неверная линия – и заклинание либо не сработает вовсе, либо сработает так, что от мага останутся одни воспоминания. Ну и конечно, нужен был артефакт-накопитель – источник силы. Без него самая искусная печать оставалась просто красивым рисунком на бумаге или камне. Рисунок с камня маги ладонью поднимали в воздух в виде красивого светящегося круга с узорами. И движением руки отправляли вперед, преобразовывая в тот вид магии, который создался.

Ида оказалась прирожденным магом. У нее был талант к рунам – тот редкий дар, когда символы оживают под твоими пальцами, словно сами просятся на поверхность. Она училась долго и упорно – сначала у деревенского писаря, который знал основы, потом у старого отшельника-мага, жившего в пещере на восточном склоне, потом по книгам, которые ей привозили из города за немалые деньги. Ее пальцы, которые когда-то дрожали при виде хулиганов, теперь выводили сложнейшие рунные вязи с точностью часового механизма. Ее запястья, худые и бледные, украшали кожаные браслеты с вшитыми крошечными накопителями – слабенькими, но достаточными для тренировок и небольших заклинаний.

Я часто наблюдала, как она работает. Это было завораживающе. Она сидела, склонившись над столом, закусив губу от усердия, и ее тонкая кисть с зажатым стилосом двигалась плавно и безостановочно, оставляя на специальной магической бумаге светящийся след. Руны загорались одна за другой – сперва тускло, потом все ярче, и к моменту, когда печать была готова, весь лист дрожал и пульсировал, словно живое существо.

– Ты похожа на паучиху, плетущую паутину, – сказала я однажды, глядя, как она заканчивает очередную печать.

Ида, сидящая в длинном бежевом платье, фыркнула, не отрываясь от работы:

– Лучше быть паучихой с паутиной, чем медведицей с голыми лапами.

– Эй, мои лапы не голые! У меня есть «коготь». – Я все еще ходила везде с приспособлением из кованого железа, похожее на кастет с четырьмя изогнутыми лезвиями-шипами. Им я цеплялась за скалы, когда пальцев не хватало.

Иногда я привязывала его на веревку и кидала вверх, чтобы он зацепился.

– «Коготь» – это не магия, Береника. Это просто кусок железа.

– Кусок железа, который спас мне жизнь раз двести.

– А моя магия спасет тебя в двести первый, когда твой «коготь» откажет.

Мы часто так спорили. Это была наша привычка, наша игра, наш способ общения. Она дразнила меня за грубость и простоту, я ее – за чрезмерную любовь к книжной пыли и чернильным пятнам на пальцах. Но за этими шутками стояло то, что мы никогда не произносили вслух: мы были нужны друг другу. Она нуждалась в моей силе и защите, а я – в ее уме, ее магии и ее тихом, но несокрушимом упрямстве.

Мы стали командой. Пока еще только из двух человек, но уже командой.

В этот год что-то пошло не так. На Эридан скатывался обвал за обвалом. Досталось и нашей деревне – снесло дом мельника, хорошо, что сам он был на мельнице. Туда ему и пришлось переехать, потому что с края деревни стояла теперь огромная куча валунов. А людям, чтобы купить муку, приходилось обходить по тропинке выше обвала.

В один из дней после этого обвала мы сидели во дворе нашего дома. Формально это был дом моих родителей, но мать с отцом к тому времени перебрались жить к тетке в соседнее село,

а дом оставили мне. Сказали: «Ты большая девочка, Береника, тебе уже восемнадцать, пора жить своим умом». Ида переехала ко мне сразу же – в доме ее отца-мага было слишком много горьких воспоминаний, а у нас места хватало. Мы неплохо обустроились: я держала хозяйство в порядке, Ида забила все свободные поверхности своими книгами, свитками и пузырьками с чернилами. Пахло в доме теперь травами и иногда подгоревшей кашей – готовила Ида так же старательно, как рисовала руны, но с куда менее впечатляющим результатом.

Двор у нас был просторный, с утоптанной землей и старым дубом посередине, под которым мы часто сидели вечерами.

Мы периодически брали заказы на истребление демонов от нашего деревенского совета, тем и жили.

Но, как оказалось, слухи о наших воинских успехах достигли короля. И вот, мы проводили время во дворе. Я как раз прилаживала новую тетиву на свой арбалет – занятие, требующее спокойствия и сосредоточенности, – когда услышала шаги.

Шаги были необычные. Они были размеренными и тяжелыми – так ходят люди, привыкшие к доспехам даже тогда, когда на них нет брони. Я подняла голову и прищурилась на дорогу.

К нашему дому приближался стражник из городского гарнизона – немолодой уже, с проседью в бороде и усталым лицом. Он был высок. По-настоящему высок – даже выше меня. Ростом он был, наверное, около двух метров, но не в росте было дело. Он был воином – это чувствовалось в каждом его движении, в посадке головы, в том, как он держал плечи. Одет он был не в парадный мундир, а в дорожную одежду – темный, добротного сукна плащ, под которым угадывались очертания легкого кожаного доспеха, высокие сапоги из матовой черной кожи, перчатки с металлическими вставками на костяшках. Лицо у него было узкое, с резкими, словно вырубленными из камня чертами: длинный прямой нос с горбинкой, острые скулы, тонкие губы. Глаза – светлые, почти желтые, как у горной рыси, – смотрели спокойно и оценивающе. Волосы, темные с редкой проседью на висках, были стянуты в низкий хвост. За спиной у него висел меч – длинный, прямой клинок в простых, без украшений, ножнах, но рукоять была отполирована до блеска частым использованием.

На плече его плаща я заметила вышитый серебряной нитью знак. Скрещенные молнии. Знак Первого Воина – элитного королевского рекрутера, одного из тех, кто лично отбирал бойцов и магов в особые отряды Короны. Я слышала о Первых Воинах – их было не больше дюжины на всю страну, и каждый из них был легендой.

Этот, судя по нашивке на груди, носил имя Торн. Я слышала о таком. Торн Эрсанн, Первый Воин Северного предела. Он прославился тем, что в одиночку зачистил гнездо болотных тварей, осаждавших наши границы лет десять назад.

– Здесь живут Береника, дочь Гаральда и Ида дочь Софора? – спросил он, останавливаясь у нашей калитки. Голос у него был низкий, грудной, с легким хрипом – видимо, от привычки командовать на ветру и в бою.

– Ну, допустим – я Береника. А что?

Он посмотрел на меня, и в его желтых глазах мелькнуло что-то похожее на профессиональный интерес. – Мне говорили, ты крупная, но действительность превзошла ожидания.

– Это комплимент или диагноз? – спросила я, откладывая арбалет.

– Это наблюдение. – Он чуть усмехнулся краем рта – ровно настолько, чтобы показать, что чувство юмора у него есть, но он не злоупотребляет.

Ида, услышав свое имя, вышла из дома. Она вытирала руки тряпкой – видимо, опять возилась со своими чернилами. Увидев гостя, она остановилась на пороге, и ее брови поползли вверх.

– Я Ида, – сказала она спокойно, но я заметила, как ее пальцы чуть крепче сжали тряпку. – Чем обязана?

– Я Торн Эрсанн, Первый Воин его величества короля Родерика Третьего. – Он слегка склонил голову – не поклон, а скорее знак уважения равному. – Я слышал о вашей команде разгона демонов, Ты, Ида, говорят, умеешь чертить печати, которые работают даже без громоздких накопителей энергии.

– Говорят? – эхом повторила Ида, и в ее голосе послышалась легкая настороженность. – Кто именно говорит?

– Эрвин, отшельник с восточного склона. Когда-то он был моим наставником.

Лицо Иды чуть смягчилось. Эрвина она уважала – старый маг многому ее научил, и она часто вспоминала его добрым словом.

– Я хочу увидеть твою работу, – продолжал Торн. – Не на бумаге. Не в учебном зале. Под открытым небом.

Я встала. В полный рост, который, как уже говорила, был сопоставим с ростом Торна. Моя тень упала на калитку.

– Я иду с ней, – сказала я тоном, не терпящим возражений.

Торн посмотрел на меня – тем же оценивающим, профессиональным взглядом. Задержался на моих плечах, на руках, на шрамах, которыми были покрыты мои предплечья.

– А ты, значит, та самая Береника, – произнес он. – Та самая девица, которая голыми руками разрывает демонов и летает на перепончатых змеях?

– Не разрываю, а добиваю до рассеивания. И не летаю, а катаюсь на змеях. Небо – это не для меня.

Он хмыкнул.

Я не против, чтобы ты тоже пошла, – разрешил воин, – по итогу испытаний вас могут пригласить в королевскую гвардию.

Я фыркнула:

– Нам и дома хорошо.

– Неужели? – поднялась одна из бровей у Эрвина, – горстки зерна, что платит фермер за разгон горгулий хватит, чтобы обновить ваши потертые платья и обеспечить вашим козам еду на зиму?

Похоже, королевский воин был хорошо осведомлен. Мы с Идой действительно разговаривали о том, чтобы поискать новую подработку.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Ида мягко коснулась моего локтя:

– Все нормально, – сказала она тихо. – Мы и правда сможем заработать денег с королевскими заданиями.

Я посмотрела на нее. Она смотрела в ответ – спокойно, уверенно. В ее прозрачно-серых глазах я увидела тот самый блеск, который появлялся у нее перед особенно сложной работой. Блеск азарта и уверенности.

Я закрыла рот и кивнула.

Почти час мы шли вбок от деревни, чтобы найти нечисть. По какой-то причине воин не хотел идти ни вверх ни вниз. Видимо, чтобы экономить силы, которые нужны будут на дорогу вперед или обратно. Наконец, мы остановились на широком каменистом плато, окруженном острыми скальными зубьями. Место было мрачное, продуваемое всеми ветрами, но открытое – хорошее поле для обзора. Я уже чувствовала знакомый, едва уловимый запах – ту самую неправильность, что выдавала присутствие демона.

– Здесь, – сказала я негромко. – Вон там, за тем валуном. Чувствуете?

Торн посмотрел на меня с легким удивлением:

– Ты чувствуешь нечисть?

– А вы нет? – удивилась я не меньше, так как по своей наивности думала, что это могут все.

Он повернулся к Иде:

– Твой выход.

Ида глубоко вздохнула – так она всегда делала перед важной работой. Я видела, как ее грудь поднялась и опустилась, как расправились плечи. Потом она шагнула вперед, на открытое пространство, и достала из сумки плоский каменный диск – заготовку для печати. В отличие от бумажных, каменная печать была мощнее и держалась дольше, но и чертить ее нужно было гораздо тщательнее.

Демон, почуяв движение, начал материализовываться.

Это был не тот мелкий пакостник, которых я привыкла разбивать кулаками. Он был крупнее и, судя по тому, как медленно и уверенно он сгущался из воздуха, старше. Опытнее. Его тело состояло из клубов маслянистого дыма, который постепенно уплотняется, приобретая форму. Четыре конечности, длинное туловище, хвост – нет, не хвост, а скорее извивающийся отросток с жалом на конце. Голова – вытянутая, похожая на лошадиный череп, только с двойным рядом игольчатых зубов. Глаза – горящие ямы, полные холодного, голодного пламени.

Он заметил Иду сразу. И засмеялся – если его звук можно было назвать смехом. Это было похоже на скрежет металла по кости.

– Маленькая волшебница, – проскрежетал он. – Пришла поиграть? У тебя такая тонкая шейка. И столько силы в этом браслете. Сладкая сила.

Я напряглась и непроизвольно сжала рукоять «когтя». Торн стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и просто смотрел.

Ида не ответила демону. Она опустилась на одно колено, положила каменный диск перед собой и взяла в правую руку стилос. Ее лицо стало отстраненным, почти спокойным. Так мог бы выглядеть художник перед чистым холстом – если бы холст не норовил его сожрать.

Демон двинулся к ней.

Медленно. Он не спешил – он знал, что магу нужно время, чтобы начертить заклинание, и хотел насладиться страхом жертвы. Вот только он не знал Иду.

Ее рука двигалась так быстро, что стилос сливался в размытую полосу. Я видела, как на темной поверхности диска одна за другой загораются руны – сложная вязь, состоящая из пересекающихся линий, острых углов и плавных дуг. Ида не просто чертила – она танцевала. Каждое движение было выверенным, отточенным годами практики. Руна защиты. Руна захвата. Руна, усиливающая связь с накопителем. Руна, направляющая поток магии в точку удара.

Демон рванулся к ней, сократив дистанцию вдвое за одно мгновение. Я подалась вперед, готовая вмешаться, но Торн вскинул руку, останавливая меня.

– Жди, – сказал он тихо.

Ида закончила печать.

Она резко выдохнула, ударила ладонью по центру диска – и весь мир на секунду залил ослепительный свет. Она подняла в воздух светящийся круг с символами и направила его на демона.

Печать сработала. Из нее вырвался луч чистой, концентрированной магии – серебряный, переливающийся, похожий на поток жидкого света. Он ударил демона в грудь, туда, где у живых существ находилось бы сердце. Демон закричал – на этот раз без насмешки, только боль и ярость. Его тело начало рассыпаться, терять форму, как облако, разорванное ураганом. Он пытался удержаться, цеплялся за реальность обрывками дыма и теней, но свет пожирал его, растворял, уничтожал.

Через несколько секунд все было кончено. Только выжженное пятно на камне и запах озона. Ида тяжело дышала, стоя на одном колене и прижимая руку к груди. Накопитель на ее запястье потускнел – она потратила почти весь заряд.

Торн помолчал. Потом медленно кивнул:

– Неплохо. Очень неплохо. Ты не просто чертишь печати, ты их чувствуешь. Ты понимаешь, на что способна каждая владелица рун. Это редкость, девочка. Настоящий талант.

Ида подняла на него взгляд. Она все еще тяжело дышала, но в глазах у нее сияло торжество.

– Я долго училась, – сказала она просто.

– Я вижу, – ответил Торн.

Он повернулся ко мне. Желтые глаза смотрели все так же оценивающе, но теперь в них читалось что-то новое. Уважение? Возможно.

– А ты, Береника, – произнес он задумчиво, – ты так и не показала, на что способна.

Я пожала плечами.

– Успеется.

Торн снова хмыкнул. Этот звук становился привычным.

– Завтра, – сказал он. – Завтра будет еще одно испытание. То, что я увидел сегодня, – хорошо. Но этого недостаточно для того, что мне нужно.

– А что тебе нужно? – спросила я прямо.

Он посмотрел на горы. На их бесконечные, уходящие в небо вершины.

– Мне нужен отряд, – ответил он. – Для разведки там, куда еще не ступала нога человека. Вернее, ступала, но никто не вернулся.

Мы с Идой переглянулись.

– Что ж, – сказала я, помогая подруге подняться, – тогда завтра будет интересный день.

Торн кивнул и, развернувшись, зашагал обратно по тропе, не оборачиваясь.

Глава 4. Горгулья и людская подлость

Утро следующего дня выдалось хмурым. Небо затянули низкие, тяжелые тучи цвета намокшей золы, и откуда-то издалека доносились глухие раскаты грома – словно горы выше нас ворчали себе под нос, недовольные тем, что кто-то снова покушается на их покой. Ветер задувал порывами, резкими и холодными, неся запах приближающегося дождя и сырого камня.

Я стояла во дворе нашего дома и разминала плечи.

На мне был мой обычный походный наряд: кожаные штаны, укрепленные вставками на коленях, высокая шнуровка на поясе, рубаха из плотного льна, поверх которой я набросила короткую безрукавку из дубленой бычьей кожи. Сапоги, те самые, верные, прошедшие со мной полжизни, были заново подбиты и смазаны жиром. «Коготь» висел на боку – я проверила крепления трижды. На душе было... беспокойно.

Не то чтобы я боялась испытаний. За свои восемнадцать лет я привыкла к тому, что жизнь постоянно проверяет меня на прочность – скалы срываются из-под ног, демоны материализуются за спиной, перепончатые змеи внезапно меняют курс. Это было нормально. Но вчерашний разговор с Торном не выходил у меня из головы. Что-то в его манере, в том, как он сказал «завтра будет еще одно испытание», заставляло меня быть настороже.

Ида вышла из дома, кутаясь в плащ. Она выглядела уставшей – вчерашний расход магии дался ей нелегко, и, несмотря на то что накопитель она зарядила заново, круги под ее глазами залегли глубже обычного. Ее пепельная коса была перекинута через плечо и завязана простым кожаным шнурком. Одежда на ней была походная – практичная, но не такая грубая, как моя: темно-зеленый плащ с капюшоном, мягкие сапоги на плоской подошве, штаны и туника из тонкой шерсти. На поясе – сумка с магическими принадлежностями. На запястье – тот самый braslet-накопитель, тускло мерцающий синим.

– Не спалось? – спросила я.

– Не очень, – призналась она, поправляя капюшон. – Все думала о том, что он скажет сегодня. Вдруг мы не подойдем. А я уже размышляла о браслете из янтаря, который видела на ярмарке в городе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.